

Оригинальная статья / Original article

УДК 39(=512.157)

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-2-121-130>

ХОРОЛОРЫ И ПРИАМУРСКИЙ ПЛАСТ В ЭТНОКУЛЬТУРОГЕНЕЗЕ ЯКУТОВ

© Р.И. Бравина

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
677027, Российская Федерация, г. Якутск, ул. Петровского, 1.

Аннотация. Большинство исследователей отождествляют якутских хоролоров с хори-бурятами Прибайкалья. Анализ содержания исторических преданий якутов о хоролорах позволяет выделить три их локальных варианта. В первом варианте преданий, имевших распространение в правобережных районах Средней Лены, обнаруживаются отзвуки прежней этногенетической общности хоринских родов якутов с прибайкальскими хори-бурятами, что дополняется данными топонимов монгольского происхождения. Согласно второму варианту преданий, бытовавших среди северных якутов, хоролоры являются древним полумифическим народом, освоившим приполярные районы «намного раньше чукчей». В алдано-амгинском варианте хоролоры представляются пришлым «чужесторонним» народом, говорившем на «непонятном» языке, прародина которого находится рядом с государством Китай (Кытат) и Никанским царством. В предметном наборе раннеякутской культуры XIV–XVII вв. обнаруживаются параллели с материалами археологических культур Приамурья, носителями которых являлись старые баргуты и дауры. В статье на основе данных фольклора, языка и этнографии выдвигается гипотеза о присутствии в этнокультурогенезе якутов хоринского компонента, состоящего из разновременных культурно-исторических наслоений, связанных с хори-бурятами Прибайкалья и тунгусо-маньчжурскими и смешанными тунгусо-монгольскими племенами Приамурья.

Ключевые слова: этнокультурогенез, исторические предания, якуты, хоролор, хори-буряты, старые баргуты, дауры, этнокультурное взаимодействие, Якутия, Прибайкалье, Приамурье.

Информация о статье. Дата поступления 31 декабря 2017 г.; дата принятия к печати 1 февраля 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2018 г.

Формат цитирования. Бравина Р.И. Хоролоры и приамурский пласт в этнокультурогенезе якутов // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 121–130. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-121-130

KHORO PEOPLE AND THE AMUR LAYER IN ETHNOCULTURAL GENESIS OF YAKUTS

© R.I. Bravina

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
1 Petrovsky Str., Yakutsk 677027, Russian Federation

Abstract. Most of the researchers associate Yakut Khoro people with Khori-Buryats of Baikal region. The analysis of Yakut historical legends about Khoro people allows to distinguish three local versions in them. So, traces of former ethnogenetic unity of Khoro people with Baikal Khori-Buryats are found in the first version of the legends spread in the right-bank regions of Middle Lena that is complemented with data of toponyms of the Mongolian origin. According to the second version of legends that was adopted by Northern Yakuts, Khoro peoples were ancient semimythical people which inhabited subpolar areas “much earlier than Chukchi”. In the Aldan-Amga version Khoro people are represented as aliens and “people from the other country” speaking “unclear” language, and their ancestral home was near the state of China (Cathay) and the Nikan kingdom. Parallels are revealed in the collection of material objects of the early Yakut culture of the XIV–XVII centuries with the materials of archaeological cultures of the Amur Region, which were born by Old Barga Mongols and Daur people. In this article on the basis of folklore, language, and ethnography a hypothesis is suggested about the presence of the Khoro people component made of cultural and historical layers of different time connected with Khori-Buryats of the Baikal area and Tungus-Manchu and mixed Tungus-Mongol tribes of the Amur area.

Keywords: *ethnocultural genesis, historical legends, Yakuts, Khoro people, Khori-Buryats, Jurchen, Old Barga Mongols, Daur people, ethnocultural interaction ethnocultural interaction, Yakutia, the Baikal region, the Amur region*

Article info. Received December 31, 2017; accepted for publication February 1, 2018; available online June 30, 2018.

For citation. Bravina R.I. Khoro people and the Amur layer in ethnocultural genesis of Yakuts. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018. Vol. 14. No. 2. Pp. 121–130. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-121-130. (In Russian).

Проблема хоринского компонента в этнокультургенезе якутов имеет обширную историографию. Большинство исследователей отождествляют якутских хоролоров с хори-бурятами (Нимаев, 1988; Румянцев, 1962). Весьма оригинальная гипотеза о происхождении якутских хоролоров выдвинута Б.З. Зориктуевым, согласно которой, судя по «экзотичности» языка, географии мифической родины и почитанию тотемной птицы ворона и т. д. они могли принадлежать к палеоазиатам, проживавшим в местности Кори на Нижнем Амуре и частично вошедшим в состав корейцев. Согласно гипотезе автора, самоназвание корейцев (когурё, корё) происходит от древней земли Кори, упоминаемой в китайских и корейских источниках (Зориктуев, 2011. С. 185–201).

В генеалогических преданиях якутов Улуу Хоро (Великий Хоро) предстает как третий, наряду с Омогоем и Эллеем, легендарный прародитель якутов. В них рассказывается, что он прибыл на Среднюю Лену на быстроногом быке, с ним было много людей и скота. По одним версиям Улуу Хоро был старшим братом жены Омогоя и обосновался рядом с его людьми на южной стороне долины Туймаада (Боло, 1994. С. 235, 298). Омогой Баай считается выходцем из батулинского рода прибайкальских бурят и с ним связывается монгольский пласт якутской культуры.

По другим преданиям, старец Улуу Хоро прибыл самостоятельно, несколько позже, с востока, из страны Хоро. При этом подчеркивается чужеродность его племени – *туспа омук* (другой народ), *атын омук* (иной народ), *туора омук* (чужесторонний народ) (Боло, 1994. С. 24, 33, 104, 256). Пришельцы говорили на диковинном языке, который у якутов ассоциировался с «утино-гусиным гоготанием». Путь Улуу Хоро особенно наглядно прослеживается по локальным преданиям амгинских якутов, на территории расселения которых, по

документам XVII в., находилась Скороульская (Короуская) волость. По мнению местных краеведов, название волости в русской транскрипции означает искаженное «юс хоро улуус» (букв. три улуса хоро), а Короуская означает «хоро уус» (букв. род хоро). Улуу Хоро в долину реки Амга прибыл со стороны Алдана и обосновался там, построив укрепленное поселение *кёрюё* (ныне эта местность называется Хоро Кюриётэ). Оставив здесь часть своих людей, сам продолжил свой путь вглубь Алдано-Ленского междуречья и вышел на р. Татта. Таттинцы в историческом прошлом поклонялись божееству Хоро, зооморфным воплощением которого был образ быка-пороза. Отсюда Улуу Хоро направился в сторону современного Усть-Алданского района, где решил поселиться в местности Мюрию, но, почувствовав недоброжелательность местных жителей, продолжил свой путь и вышел на р. Лену. Ему понравился вкус воды великой реки, и он решил обосноваться возле ее берега. Поселив часть своих людей в местности Хоро Одей Намского улуса, сам вышел в долину Туймаада. Здесь же размножились его потомки хоролоры, попавшие позднее в зависимость от кангаласского вождя Тыгына (Боло, 1994. С. 231).

География расселения хоро свидетельствует об их широком участии в этногенезе якутского народа. По ясачным документам XVII в., помимо Центральной Якутии хоринские роды значились в бассейнах рек Алдан и Яна. Хоролоры, согласно преданиям верхоянцев, прибыли на р. Яна «много раньше чукчей» или одновременно с чукчами. Это был древний и многочисленный народ, имевший своего предводителя *хосууна*, который отличался «крепким телосложением, упрямым нравом и глубоким умом». Люди эти вымерли во время эпидемии оспы и остались от них одни пепелища (Ксенофонтов, 1977. С. 158–161). В северных вариантах преданий, записанных С.И. Боло на Индигирке и

Колыме, хоролоры рисуются в виде полумифического народа, засыпающего на зиму, причем во время сна у них вырастают из носа ледяные сосульки до пола (Исторические предания и рассказы якутов, 1960. С. 286). Бурные события XVIII в. дали толчок миграции хоролоров на р. Вилюй. Вилюйские хоролоры всегда помнили, что они происходят из одного рода, вели свою единую генеалогию и регулярно съезжались на общеродовую сходку в Хоринский наслег Сунтарского улуса (Исторические предания и рассказы якутов, 1960. С. 245).

Тотемом всех хоринских родов являлся ворон, с которым прослеживается связь мифологического образа одного из божеств якутского пантеона *Улуутуйар Улуу Суорун Тойона* (Гордый и Великий Ворон господин) – покровителя наиболее могущественных (черных) шаманов, главы злых духов *абаасы* верхнего мира, давшего людям огонь и *сюр* – силу духа. Некоторые исследователи допускают присутствие у хоролоров тотемного «двоебожия» или даже «многобожия», приписывая им также в качестве почитаемых птиц орла и лебедя (Дугаров, 2011. С. 268; Зориктуев, 2011. С. 194–198). Относительно орла в качестве тотемной птицы хоролоров впервые высказался Г.Ф. Миллер, который считал, что якуты вплоть до середины XVIII в. состояли из двух фратрий, имевших тотемы Орла и Лебедя. При этом культ Лебедя он связывал с батулинцами, а Орла – с хоринцами (Элерт, 2001. С. 115). По всей вероятности, исследователя привело в заблуждение то обстоятельство, что по территории расселения хоринский род входил в состав Хангаласской волости, тотемом которой являлся Орел. По преданиям, Орел – тотем хангаласцев, преследовал членов других родов, в том числе и хоринцев. В якутской мифологии Орел известен как верховное светлое божество *Хомпаруун Хотой айыы тойон* «горбоносый орёл айыы господин» или *Хотой Айыы* – помощник верховного правителя белых божеств Юрюнг Айыы тойона, родоначальник белых шаманов. На празднике ысыах к бубну белого шамана прикрепляли перья орла, как знак и символ Неба., а шаман хоро при совершении обряда белым шаманом обычно прятался, «укрывшись тремя берестяными коробками» (Ксенофонтов, 1992. С. 214).

Относительно третьей, приписываемой хоролорам в качестве тотема птицы – Лебедя, следует сказать, что в якутских мифах она в первую очередь связывается с родами батулинской и хатылинской групп якутов Намского и Ботурусского улусов, а также Эльгетского наслега бывшего Верхоянского округа. В отличие от якутских хоролоров бурятские хоринцы о себе говорили: «праматерь наша Лебедь». Согласно одному из вариантов бурятской легенды, родоначальник Барга-Батор со своим младшим сыном Хоредой-мэргэном, в поисках места для обитания, отправились вниз по р. Лена. Добравшись до пределов современной Якутии, Баргу-Батор оставил там Хоредоя, а сам вернулся назад. Однажды Хоредой-мэргэн во время охоты увидел трех лебедей на озере Садамтын-саган. Одни говорят, что это озеро находится в низовьях Лены в Якутской области, другие – в Монголии. Небесная птица лебедь была поймана Хоредоем и стала его женой. Они прожили на берегу озера Садамтын-саган в течение трех лет, но детей у них не было. И Хобоши-хатун (Лебедь госпожа) сказала мужу: «Мы должны переехать к югу за море: если туда переедем, у нас будут дети и множество потомков». Тогда Хоредой-мэргэн, оставив р. Лену, переехал на южную сторону Байкала и родились у них одиннадцать сыновей, от которых произошли хоринские роды (Хангалов, 1960. С. 107–111). В якутских преданиях не сохранились подобные сюжеты, но упоминается некий Хоредой-Хойогос, имя которого созвучно с именем первопредка хори-бурятов. По данным Л.П. Потапова, сюжет превращения лебедя в женщину, символизирующий возникновение нового рода характерен, прежде всего, для тюркоязычных народов Южной Сибири. В качестве примера он приводит тувинский род *хуулар* (букв. лебеди). Он считает, что наличие женского божества – праматери или прародительницы ряда родов и племен у якутов и особенно у бурят-хоринцев вероятно связано с тюркоязычными курыканами древнетюркской эпохи (Потапов, 1991. С. 83–84).

Таким образом, культ ворона среди якутских родов был присущ исключительно хоролорам. По фольклорному источнику, когда их предки во время наводнения сидели без огня, «прилетел ворон,

держа во рту огниво с мешочком для трута, и спустил это хоринцам» (Ксенофонов, 1977. С. 84). Считалось, что огниво, полученное хоролорами от вороны, обладало чудодейственным свойством избавлять людей от кожных болезней, насылавшихся духом домашнего огня (Боло, 1994. С. 206–207).

В легендах о якутских шаманах подчеркивается, что наиболее сильные из них владели языком хоро. Язык хоро имел два вида: язык *хоро диких оленей* и язык *хоро сохо оленей* (Боло, 1994. С. 20). *Сохо* – «красящий (или красильный) камень красного цвета, род красной или цветной охры; краска» (Пекарский, 1959). Вероятно, название второго языка хоро каким-то образом было связано с писаницами на р. Амга, нарисованными охрой. Язык *хоро диких оленей* со временем превратился в сакральный язык шаманов, а *хоро сохо* полностью исчез.

По представлениям якутов, *Кус Хоро дойдута* – «страна, где зимуют птицы», находилась далеко на востоке, «там, где небо и земля сошлись вместе» (Ксенофонов, 1977. С. 161). В якутской загадке говорится: «Хоринская девица улетела в Китай (дым выходит из трубы)», а в преданиях северных якутов страна Кус Хоро называется *Кытат*, что, по мнению А.П. Окладникова, могло означать либо Китай, либо родину древних киданей (Окладников, 1955. С. 358). В 1940 г. С.И. Боло составил карту эпической географии по материалам олонхо «Дугуйа Бёгё», записанного им в Оймяконском районе. По предположению Ф.Ф. Васильева, топонимы и этнонимы олонхо отражают историческую обстановку эпохи позднего средневековья в Монголии и Забайкалье. Так, самым благодатным местом Среднего мира является долина озера Улуу Байгал (Великий Байкал), в которой, естественно, могли проживать предки саха. К юго-востоку от них расположены владения Могол Тойона и Мунха Хатын, которые враждовали с народом Арсан Дуолайы – владыки Нижнего мира. Возможно, в этом имени просматривается название правящей династии уйгуров *Арслан* (лев). На востоке Верхнего мира расположена страна Хоро сирэ, где живет много колдунов и воинствующих шаманов. Сразу за ней находится страна Кытат-Кытай, страна теплая, вечно зеленая, где зимуют перелетные птицы (Васильев,

1995. С. 150). В некоторых текстах якутского эпоса упоминается мрачная преисподняя *Нюкэн Юёдэн*. Во второй половине 40-х гг. XVII в. на территории Китая одновременно существовали два государства: на севере – маньчжурская Цинская империя, именовавшаяся в русских документах Богдойским царством, и остатки национального китайского государства на юге, которое в документах называют Старым Китаем или Никанским царством (от маньчжурского никань – китаец, китайский). В.Л. Серошевский писал, что якуты «о китайцах знают, что они живут далеко на юге; их государство часто описывается в сказках, а верховный владыка их зовётся Богдо-хан» (Серошевский, 1993. С. 242).

Улуу Хоро первым дал названия рекам *Алдан*, *Амга* и *Таатта*, исходя из степени их водонасыщенности и скорости течения. Так, не сумев на своем быке вброд перейти р. Алдан из-за большой ее глубины, он в досаде изрек: «Будь широко раскрытым Алданом!». Переехав Амгу вброд, сказал: «Будь гладкоструйной Амгой!». Про реку Таатту Улуу Хоро, благословляя, предрек: «Течение кое-где приостанавливается, в будущем тут размножатся люди и скот, здесь будет счастливое место» (Исторические предания и рассказы якутов, 1960. С. 100–101). По поводу названий этих рек топонимист М.С. Иванов заметил, что, схожие с ними, гидронимы *Алдынkaan* и *Тотта* имеются в Аяно-Майском районе Хабаровского края (Багдарыын Сюлбэ, 2004. С. 121, 158). Вполне естественно, что в ходе освоения новой территории люди опирались на ту систему топонимов, которая была им известна, и в рамках ее присваивали имена во вновь освоенном ареале. Таким образом, вышеприведенные материалы связывают хоролоров с Приамурским краем.

Взаимовлияние этнокультурных систем Якутии и Приамурья фиксируется в археологических памятниках, начиная с эпохи неолита. В старину якутам регионы Дальнего Востока представлялись как далекие края и отдельные страны, отличающиеся своими ландшафтными и климатическими условиями, населенные множеством разных племен и народов. Из географических названий этих земель одни сохранились в памяти якутов и поныне, другие вошли в разряд мифологической гео-

графии, а третьи являются предметом научных дискуссий. *Амыр* (Амурский край) находился за землей *Эджэн* (Эдьээн), составляющей ныне территорию Усть-Майского района, расположенного по соседству с Хабаровским краем. Предания, в которых нашли отражение исторические контакты якутов с племенами Приамурья, больше сохранились в Усть-Алданском (бывш. Дюпсинском) улусе, через территорию которого проходил тракт *Лаамы суола*, ведущий на Охотское побережье. Интересно отметить, что в архивных материалах второй половины XVII в. упоминается дюпсинский родоначальник Бадон Амуров (Амыр уола Быдыам) (Исторические предания и рассказы якутов, 1960. С. 175–176). В одном из преданий говорится, что рядом люпсинцами некогда проживало древнее племя *хотоконов*, историческая родина которых находилась по ту сторону Эджэна и они поддерживали родственные связи с корейцами Маньчжурии. У хотоконов не было своего скота, занимались они столярным и кузнечным ремеслами, ставя на своих изделиях письменные знаки-тамги. Также отмывали золото на Алдане, поэтому их еще называли «богатые хотоконы». Хотоконы в совершенстве владели военным делом и дюпсинцы часто их приглашали в качестве воинов в свои походы. В конце XIX в., когда открылись Нельканские прииски, хотоконы якобы ушли к себе на родину, в сторону Амура. Однако, судя по фамилии Котоконовых, распространенной среди вилюйских якутов, некоторая часть их осталась.

По преданиям мегинских якутов, в старину, со стороны Китая, с земли Тонгус Молджу прибыл человек по имени Молджу и, женившись на местной девушке, осел на Средней Лене (Исторические предания и рассказы якутов, 1960. С. 143). Вполне правомерно предположить, что здесь имеется в виду выходец из тунгусских родов Маньчжурии. Среди его сыновей, обученных военному искусству и «носящих панцири», значились Кэлтээки-Сабыйа и Нанай-Намырчы, имена которых схожи с тунгусо-маньчжурскими родовыми названиями *кэлтээки / килтээки* и *нанай*. Кэлтээки Сабыйа после очередной победы над врагами на скале начертал знаки, говоря при этом: «Пусть грядущее поколение по ним узнает обо мне!». С тех пор это место стало

называться Писаные Ворота (Ксенофонов, 1977. С. 114). Как известно, и мохэ, и их потомки чжурчжэни имели письменность. Среди вилюйских якутов встречаются также родовые названия удюгэй и акана, которые невольно наталкивают на мысль об удэге и одной из групп нанайцев аккани. По свидетельству Р. К. Маака удюгейцы были известны как хорошие кузнецы и плавильщики железа (Маак, 1994. С. 273).

Таким образом, в генеалогических преданиях якутов пришлые с востока племена описываются как скотоводы, ездящие верхом на быке, строящие укрепленные сооружения, имеющие обученных воинов, искусных кузнецов и ювелиров, умеющих, в отличие от якутов, добывать золото, владеющие письменностью. Эти черты культуры присущи средневековому населению Дальнего Востока, в том числе чжурчжэнам-удигэ. Чжурчжэни (*ньючжэни, ньючжи*) – народ, известный в Приамурье и на сопредельных территориях с XI в., и создавший в начале XII в. Золотую империю – государство Алчун. Как считают исследователи, термин *ньючжи* происходит от киданьского слова *ньюгу* – золото. Этноним *ньючже-ниуча* якуты сохранили в своей памяти в форме *ньюучча, нуучча (русский)*. Кидани делили чжурчжэней, как якуты хоролоров, на диких и покорных. В число диких племен входили, по китайской терминологии, племена *ежэнь* (ср. с якут. *эджэн*) – *удигэ (удигай, удиха)*, проживавшие в труднодоступных горно-таежных районах Приморья и не признававшие над собой какой-либо исходящей извне власти (Шавкунов, 1990. С. 49).

Чжурчжэньские кузнецы и ювелиры, подобно хотоконам из якутских преданий, на своих изделиях ставили тамги и письменные знаки. Жили чжурчжэни в неукрепленных и укрепленных поселениях (городищах), которые располагались, как правило, по берегам рек. Улуу Хоро на своем пути постоянно держится речных берегов, где строит укрепленные поселения *кюрюё*. Основу войска чжурчжэней составляла конница. Воины одевались в доспехи, состоящие из железных пластин, накладывавшихся по принципу чешуи. В этой связи интерес представляют латные доспехи подобной конструкции (якут. *таналай куйах*), обнаруженные на террито-

рии Хоринского наслега Усть-Алданского района Якутии (Васильев, 1995. С. 106).

Несмотря на наличие у чжурчжэней земледелия и животноводства, являвшихся основными источниками продуктов питания, они также занимались охотой и рыболовством. Из числа различных видов охотничьего вооружения внимание привлекают копыя, у которых под пером имеются дополнительные приспособления в виде крюка. По преданиям жиганских якутов, в стране Хоро «...есть, говорят, старуха, которая с железной острой охотится на птиц. Она будто бы захватывает своей острой гуся, которого облюбует. “Дэгийэ” – железный стержень с крючком служит у нас для захватывания рыбы» (Ксенофонов, 1977. С. 161).

Правящая часть чжурчжэней была знакома с буддизмом, но у основной массы чжурчжэней господствующим видом религии оставался шаманизм. Чжурчжэни-удигэ поклонялись огню. Во время выборки зольного заполнения очажных ям при раскопках жилищ фиксируется овеществленный обряд «кормления» духа огня в виде обуглившихся комков каши и пережженных костей птиц и мелких животных. Очевидно, чжурчжэни-удигэ, как это еще сравнительно недавно делали удэгейцы и нанайцы, а также и якуты, приступая к трапезе, бросали в огонь немного пищи с целью задобрить духа огня. Во время зачистки заполнения плавильных печей на Шайгинском городище, внутри были обнаружены костяки детей не старше десятилетнего возраста. Все кости находились в анатомическом порядке, однако черепа были разбиты на мелкие части. По предположению ученых, дети были принесены в жертву духу огня (Шавкунов, 1990. С. 156–157). Погребение с похожим обрядом, датированное XIV–XVI вв., открыто в Якутии в местности Кёрдюгэн в Мегино-Кангаласском районе, входящем в ареал расселения хоролоров.

Таким образом, в этнонимике и культуре якутов прослеживается довольно ощутимый пласт, связанный со средневековыми племенами Приамурья.

Исторические предания о племени хоро были в свое время обстоятельно рассмотрены А.П. Окладниковым, который отметил, что хоролоры «резко выделяются из всех остальных компо-

нентов якутской народности» (Окладников, 1955. С. 352). Нужно отметить заметное различие преданий саха о племени хоро. Так, по варианту преданий якутов, населяющих левый берег Лены, куда входят три великие долины Туймаада, Эркээни и Энсиэли, Хоро прибывает в долину Туймаада вслед за Омоем и Эллеем и при этом является близким родственником первого. Улуу Хоро обязательно восседает на быстроногом быке. Это существенная этноуказывающая деталь, ибо бык, как принято считать, объект поклонения именно монголоязычных народов. Более того, слова, входящие в двухсоставные топонимы Центральной Якутии с включением термина *хоро*, например *Хоро Алааһа* (букв. луга Хоро), *Хоро Кюёлэ* (букв. озеро Хоро), *Хоро кюрюётэ* (букв. Укрепление / изгородь Хоро) и т. п., в основном, монгольского происхождения. В этом контексте недоумение вызывает диковинность хоринской речи для якутов, в языке которых монгольские заимствования составляют 28,7 % его словарного состава, не считая общетюрко-монгольской лексики. Тем более, морфологический строй хоринского диалекта в бурятском языке почти ничем не отличается от такового других племенных объединений, за исключением незначительных особенностей структурного характера (Дамдинов, 2000. С. 136).

По алдано-амгинскому варианту преданий Улуу Хоро прибывает самостоятельно, несколько позже предков саха, со стороны Востока. Эти хоролоры являются «чужесторонним» народом, говорят на «непонятном» языке. Гидронимы, встречающиеся по пути следования их родоначальника, имеют аналогии в соседнем Хабаровском крае. Более того, согласно мифической топонимии, их прародина находилась рядом с древним Китаем, Никанским царством и государством киданей. О наличии в исторической памяти якутов информации о былых этнокультурных контактах со средневековым населением соседнего региона свидетельствует цикл генеалогических преданий якутов Центральной Якутии. В них упоминаются выходцы из страны Тонгус-Молдью (букв. Тунгусская Маньчжурия), имена героев которых схожи с этнопонимами народов Приамурья (Молдью, Нанай, Килээки, Амыр). В этой связи определенный

интерес представляет гидроним Хор (Хоро, Пор) близкий по созвучию к названию хоро. Это – крупный приток р. Уссури, где издавна проживает часть потомков чжурчженей-удигэ. Можно допустить применение гидронима Хор в существующем его варианте Хоро в качестве топонима группы приамурских пришельцев. Вполне возможно, что часть их дошла и до р. Яны и р. Колымы, где их культура со временем приобрела северный облик.

Г.В. Ксенофонов в своей работе «Ураанхай сахалар» писал, что «картина товарообмена и экономических связей между разными племенами» «столь же стара, как и древний Китай, мощное влияние которого не могли не чувствовать искони веков мелкие племена бассейна Амура, Южной Сибири...и население бассейна Лены» (Ксенофонов, 1992. С. 30). По его мнению, известный по китайским источникам «рог хуту» (мамонтовая кость), соболиные шкурки, реализуемые «с огромным барышом на китайском рынке» в страны Востока, несомненно, доставлялись с северных окраин. При этом, в качестве посредников в торговых связях выступали приамурские дауры (Ксенофонов, 1992. С. 32). Примечательно, что бисер и бусы якуты называли *хоро чопчу симэх* (хоринские украшения), а курительную трубку *догур хамса* (даурская трубка).

Исследователи происхождения дауров производят от монгольской (шивэй-киданьской) общности. В частности, археологами сделан вывод о принадлежности владимировской культуры (XIII–XVII вв.) ранним монголам в лице дауров (История Амурской области с древнейших времен до начала XX в., 2008. С.119). На Верхнем Амуре некоторое время находились так называемые старые баргуты, ныне проживающие на северо-восточной окраине Китая, в состав которых входили и хори. По мнению ряда исследователей, под термином даур (дагур) значилась совокупность монголоязычных племен дауров, баргутов и хорчинов (Цыбенков, 2012. С. 22–24). Большинство исследователей отмечают присутствие в культуре дауров традиций мохэ и их потомков чжурчженей. Об этом в частности свидетельствуют накладка лука, схожая с чжурчженским луком «тунгусского» образца; серебряное кольцо, одевавшееся на большой палец при стрельбе из лука, которое широкое распростране-

ние имело как у амурских народов, так и якутов (якут. *дапсы*). По мнению Б.Д. Цыбенкова, характеристики ундугунской (XII–XV вв.) культуры, которая определяется как тунгусо-монгольская, и владимировской культуры в ряде случаев совпадают. Например, погребальные колоды, костяные наконечники стрел, украшения, предметы конской сбруи и др. (Цыбенков, 2015. С. 187, 189). Эти элементы характерны и для якутских погребений XIV–XVII вв. Особенно наглядно это иллюстрируется на предметном фоне погребения Атласовское 2, обнаруженного на территории бывшего Хоринского наслега Хангаласского улуса (Бравина, Дьяконов, Петров, Соловьёва, Сыроватский, Багашёв, Пошехонова, Слепченко, Ражев, Алексеева, Зубова, Кузьмин, 2017. Рис. 2–3).

В XVII в. маньчжурь делили население Приамурья на два крупных объединения: *солонь* (др. назв. солонбуу) и *сахарча*. К *сахарча* относилось даурское население среднего и нижнего течения Зеи (якут. Дьизэ юрэх, букв. речка Дом), а также среднего Амура, включая роды *судур* и *алдан*. На карте «Расселение якутских племен», включенной в книгу «Материалы по истории якутов XVII в.», напротив владений дюпинских родов на правом берегу р. Алдан, рядом с хоролорами отмечены дауры (Материалы по истории Якутии XVII века, 1970. С. 1101). Нельзя исключать вероятность того, что «утино-гусиная» речь, приписываемая якутами хоролорам, была связана с языком дауров, в котором характерно значительное число заимствований у маньчжуров или их предков – чжурчженей и китайцев. В челобитных XVII в. говорится об учащении случаев бегства якутов Алдано-Ленского междуречья «на Дауры» и «в Китайскую сторону».

Таким образом, анализ элементов хоринского компонента в этнокультургенезе якутов проявляет присутствие в нем, по меньшей мере, нескольких культурно-исторических наслоений. Первый пласт, вероятно, был заложен прибайкальским племенем хори, имеющим лебединое происхождение, прибывшим на Среднюю Лену одновременно или чуть позже основной массы тюрко-монголоязычных предков якутов, т. е. в предмонгольское время (XI–XII вв.). Второй пласт, по всей видимости, был связан с хоринцами Забайкалья, часть которых само-

стоятельно или в составе старых баргутов попала на Верхний Амур и жила в непосредственном соседстве с даурами. Почитание ворона, развитое шаманство, непонятная для якутов речь, культ огня (*хоро хатат*) и т. д. по всей вероятности были связаны с культурой тунгусо-маньчжурских или же смешанных тунгусо-монгольских этнических общностей Приамурья. Формирование этого пласта можно датировать XIII–XVI вв. Территория Приаму-

рья издавна являлась зоной этногенетических процессов, где происходил синтез культур и языков. Здесь смешивались аборигенные, локальные и заимствованные представления и культурные традиции. И возможно, что именно через хоринский субстрат в культуре якутов присутствует довольно ощутимый приамурский культурно-исторический пласт.

Библиографический список

Багдарыын Сүлбэ. Топонимика Якутии. Якутск: Бичик, 2004. 192 с.

Боло С.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену (по преданиям якутов бывшего Якутского округа). Якутск: Бичик, 1994. 352 с.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Петров Д.М., Соловьёва Е.Н., Сыроватский В.В., Багашёв А.Н., Пошехонова О.Е., Слепченко С.М., Ражев Д.И., Алексеева Е.А., Зубова А.В., Кузьмин Я.В. Женское погребение XVII века Атласовское-2 из Центральной Якутии: результаты комплексного исследования // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 1 (36). С. 44–63.

Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов. Якутск: Бичик, 1995. 224 с.

Дамдинов Д.Г. К истории изучения языка хори-бурят. Улан-Удэ: Бэлиг, 2000. 148 с.

Дугаров Б.С. Хоролоры: этнофольклорная характеристика и бурятские параллели // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 10. С. 205–209.

Зориктуев Б.Р. Актуальные проблемы истории монголов и бурят. М.: Восточная литература, 2011. 278 с.

Исторические предания и рассказы якутов. В 2 ч. Ч. 1. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 322 с.

История Амурской области с древнейших времен до начала XX века / под ред. А.П. Деревянко, А.П. Забияко. Благовещенск: Изд-во Благовещенского педагогического университета, 2008. 424 с.

Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. В 2 т. Т. 2. В 2 кн. Кн. 2. Якутск: «Бичик», 1992. 317 с.

Ксенофонтов Г.В. Шаманизм. Избранные труды

References

Bagdaryyn Syulbe. *Toponimika Yakutii* [Toponymy of Yakutia]. Yakutsk: Bichik Publ., 2004, 192 p. (In Russian).

Bolo S.I. *Proshloe yakutov do prikhoda russkikh na Lenu (po predaniyam yakutov byvshego Yakutskogo okruga)* [The past Yakuts before the Russians came to Lena (according to the legends of the Yakuts of the former Yakut district)]. Yakutsk: Bichik Publ., 1994, 352 p. (In Russian).

Bravina R.I., D'yakonov V.M., Petrov D.M., Solov'eva E.N., Syrovatskii V.V., Bagashev A.N., Poshekhonova O.E., Slepchenko S.M., Razhev D.I., Alekseeva E.A., Zubova A.V., Kuz'min Ya.V. Female burial of the XVII century Atlasovskoe-2 from Central Yakutia: the results of a comprehensive study. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], 2017, no. 1 (36), pp. 44–63. (In Russian).

Vasil'ev F.F. *Voennoe delo yakutov* [The Military Work of the Yakuts]. Yakutsk: Bichik Publ., 1995, 224 p. (In Russian).

Damdinov D.G. *K istorii izucheniya yazyka khori-buryat* [To the history of the study of the Chori-Buryat language]. Ulan-Ude: Belig Publ., 2000, 148 p. (In Russian).

Dugarov B.S. Khorolors: ethno-folkloric characteristics and Buryat parallels. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 2011, no. 10, pp. 205–209. (In Russian).

Zoriktuev B.R. *Aktual'nye problemy istorii mongolov i buryat* [Actual problems of the history of the Mongols and the Buryats]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2011, 278 p. (In Russian).

Istoricheskie predaniya i rasskazy yakutov [Historical legends and stories of the Yakuts]. In 2 parts. P. 1. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the Union of Soviet Socialist Republics Publ., 1960, 322 p. (In Russian).

Derevyanko A.P., Zabyako A.P. *Istoriya Amurskoi oblasti s drevneishikh времен do nachala XX veka* [History of the Amur region from ancient times to the beginning of the twentieth century]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk Pedagogical University Publ., 2008, 424 p. (In Russian).

Ksenofontov G.V. *Uraangkhai-sakhalar. Ocherki po drevnei istorii yakutov* [Uraangkhai-sakhalar. Essays on the ancient history of the Yakuts]. In 2 vol. Vol. 2. In 2 books. Book 2. Yakutsk: "Bichik" Publ., 1992, 317 p. (In Russian).

Ksenofontov G.V. *Shamanizm. Izbrannye trudy* (Pub-

(Публикации 1928–1929 гг.). Якутск: Творческо-производственная фирма «Север – Юг», 1992. 318 с.

Ксенофонтов Г.В. Элэйада: материалы по мифологии и легендарной истории якутов. М.: Наука, 1977. 248 с.

Маак Р.К. Вилуйский округ. Изд. 2-е. М.: «Яна», 1994. 592 с.

Материалы по истории Якутии XVII века (Документы ясачного сбора). В 3 т. Т. 3. М.: Наука, 1970. 1268 с.

Нимаев Д.Д. Проблемы этногенеза бурят. Новосибирск: Наука, 1988. 88 с.

Окладников А.П. Якутия до присоединения к русскому государству. Изд. 2-е. В 3 т. Т. 1. История Якутской АССР. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 432 с.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Изд. 2-е. В 3 т. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

Потапов Л.П. Элементы религиозных верований в древнетюркских генеалогических легендах // Советская этнография. 1991. № 5. С. 79–86.

Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1962. 268 с.

Серошевский В.Л. Якуты: опыт этнографического исследования. Изд. 2-е. М.: Политическая энциклопедия, 1993. 736 с.

Хангалов М.И. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 3. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1960. 423 с.

Цыбенов Б.Д. История и культура дауров Китая. Историко-этнографические очерки: монография. Улан-Удэ: Изд-во Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, 2012. 252 с.

Цыбенов Б.Д. Погребения владимировской культуры Верхнего Приамурья как источник по изучению этногенеза дауров // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 7: Археология и этнография. С. 184–192.

Шавкунов Э.В. Культура чжурчженей-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1990. 282 с.

likatsii 1928–1929 gg.) [Shamanism. Selected Works (Publications 1928-1929)]. Yakutsk: Tvorchesko-proizvodstvennaya firma “Sever – Yug” Publ., 1992, 318 p. (In Russian).

Ksenofontov G.V. *Jelljejada: materialy po mifologii i legendarnoj istorii jakutov* [Ellyada: materials on the mythology and legendary history of the Yakuts]. Moscow, Nauka Publ., 1977, 248 p.

Maak R.K. *Vilyuiskii okrug* [Vilyui District]. Moscow: “Yana” Publ., 1994, 592 p. (In Russian).

Materialy po istorii Yakutii XVII veka (Dokumenty yasachnogo sbora) [Materials on the history of Yakutia XVII century (Documents yasaknogo collection)]. In 3 vol. Vol. 3. Moscow: Nauka Publ., 1970, 1268 p. (In Russian).

Nimaev D.D. *Problemy etnogeneza buryat* [Problems of ethnogenesis of the Buryats]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1988, 88 p. (In Russian).

Okladnikov A.P. *Yakutiya do prisoedineniya k russkomu gosudarstvu* [Yakutia before joining the Russian state]. In 3 vol. Vol. 1. *Istoriya Yakutskoi Avtonomnoi Sovetskoi Sotsialisticheskoi Respubliki* [History of the Yakut ASSR]. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the Union of Soviet Socialist Republics Publ., 1955, 432 p. (In Russian).

Pekarskii E.K. *Slovar` yakutskogo yazyka* [Dictionary of the Yakut language]. In 3 vol. Moscow: Academy of Sciences of the Union of Soviet Socialist Republics Publ., 1959. (In Russian).

Potapov L.P. Elements of religious beliefs in ancient Türkic genealogical legends. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1991, no. 5, pp. 79–86. (In Russian).

Rumyantsev G.N. *Proiskhozhdenie khorinskikh buryat* [Origin of the Chori Buryats]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1962, 268 p. (In Russian).

Seroshevskii V.L. *Yakuty: opyt etnograficheskogo issledovaniya* [Yakuts: experience of ethnographic research]. Moscow: Poli-ticheskaya entsiklopediya Publ., 1993, 736 p. (In Russian).

Khangelov M.I. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. In 3 vol. Vol. 3. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1960, 423 p. (In Russian).

Tsybenov B.D. *Istoriya i kul'tura daurov Kitaya. Istoriiko-etnograficheskie ocherki* [History and culture of the Daur of China. Historical and ethnographic essays]. Ulan-Ude: East-Siberian State University of Technology and Management Publ., 2012, 252 p. (In Russian).

Tsybenov B.D. Burials of the Vladimirovskaya culture of the Upper Amur region as a source for studying the ethnogenesis of Daur. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology], 2015, vol. 14, iss. 7: *Arkheologiya i etnografiya* [Archeology and Ethnography], pp. 184–192. (In Russian).

Shavkunov E.V. *Kul'tura chzhurchzenei-udige XII–XIII vv. i problema proiskhozhdeniya tungusskikh narodov Dal'nego Vostoka* [The culture of the Jurchen-Udege in XII–XIII centuries. and the problem of the origin of the Tungusic

Элерт А.Х. Новые материалы о пантеоне якутских божеств и духов в первой половине XVIII века (статья первая) // Общественное сознание и литература XVI–XX вв.: сб. ст. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. С. 107–124.

Сведения об авторе

Бравина Розалия Иннокентьевна,
доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом археологии и этнографии,
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
677027, Российская Федерация, г. Якутск, ул. Петровского, 1,
e-mail: bravinari@bk.ru

Критерии авторства

Бравина Р.И. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

peoples of the Far East]. Moscow: Nauka Publ., 1990, 282 p. (In Russian).

Elert A.Kh. New materials about the pantheon of the Yakut deities and spirits in the first half of the 18th century (article one). *Obshchestvennoe soznanie i literatura XVI – XX vv.* [Public Consciousness and Literature in XVI-XX centuries]. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2001, pp. 107–124. (In Russian).

Information about the author

Rosalia I. Bravina,
Doctor of Sciences (History), full professor, director of Archaeology and Ethnography Team,
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
1 Petrovsky Str., Yakutsk 677027, Russian Federation,
e-mail: bravinari@bk.ru

Attribution criteria

Bravina R.I. carried out research work, based on the results obtained, carried out a generalization, prepared the manuscript for publication, has copyright for the article and bears full responsibility for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.